

ОБЩЕНИЕ ДЕТЕЙ С АКТЕРАМИ — ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ТЕАТРАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ (ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ ДАТСКОГО ТЕАТРА CORONA LA BALANCE)

САМЫЕ БЛАГОДАРНЫЕ ЗРИТЕЛИ НА СВЕТЕ — ЭТО ДЕТИ

ЗРИТЕЛИ ДОЛГО НЕ ОТПУСКАЛИ РЕЖИССЕРА СПЕКТАКЛЯ «ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОГО ДЖЕНТЛЬМЕНА» МАРКА ВАН ДЕР ВЕЛЬДЕНА (КРАЙНИЙ СПРАВА)

таклем «Счастливы Ганс» по пьесе Михаила Бартечева и московский семейный театр «Тень», уже много лет практикующий сеансы театральной терапии. В течение недели руководители театра, супружеская пара Илья Эпельбаум и Майя Краснополская, репетировали музыкальный спектакль «Волшебная флейта» с группой детей и родителей — жителей Беслана, переживших трагедию, а затем показали его землякам.

Конечно, во Владикавказ привозили свои спектакли и Московский ТЮЗ. За это время были показаны «Оловянные кольца» по пьесе-сказке Тамары Габбе, «Необычайные приключения Т. С. и Г. Ф. по Марку Твену» в постановке Ген-

риетты Яновской, а также спектакль для старшеклассников и учителей «Свидетель обвинения» по пьесе Агаты Кристи.

В январе 2007 года программа «Театры — детям Беслана» стала международной. Во Владикавказ приехал датский детский театр Corona la Balance. Их спектакль «История маленького джентльмена» — лауреат конкурса «Лучший спектакль для детей Дании 2002 года» — адресован зрителям шести-девяти лет. «Для нас участие в программе „Театры — детям Беслана“ было прежде всего необычно тем, что мы впервые в жизни видели, что наша работа приносит людям больше чем просто встречу с искусством», — сказал режиссер спектакля Марк ван дер Вельден корреспонденту Social Report. — Поэтому мы особенно благодарны тем психологам, которые так или иначе с самого начала принимали участие в этом проекте и поддерживали его».

Этой осенью в рамках программы состоятся очередные гастроли. С концертами во Владикавказ приедет пианист Денис Мацуев, великий лицедей Слава Полушин, Константин Райкин привезет один из детских спектаклей из репертуара «Сатирикона», Театр Станиславского и Немировича-Данченко готовит специальный детский спектакль для бесланских детей.

«Несмотря на явные и позитивные сдвиги в психологическом состоянии бесланских детей, говорить об устране-

нии проблемы пока очень рано», — подытоживает Александр Колмановский. — Только стабильность мероприятий, подобных программе „Театры — детям Беслана“, может вселить в нас уверенность, что пострадавшие в первые сентябрьские дни 2004 года вырастут полноценными членами общества. В то же время с огорчением скажу, что программа „Театры — детям Беслана“ чуть ли не единственная, до сих пор продолжающая работать. Даже Красный Крест сворачивает свою деятельность. А детям, их родителям, учителям необходимо участие, им необходим контакт с внешним миром, чтобы они не замыкались в прошлом, чтобы они жили и радовались жизни несмотря ни на что». ■

«ВЗРОСЛЫЕ БОЯЛИСЬ ОТПУСКАТЬ ДЕТЕЙ НА СПЕКТАКЛЬ»

Михаил Каменский рассказал Social Report о проекте «Театры — детям Беслана».

Когда случился Беслан, я смотрел все выпуски новостей и боялся что-то пропустить. Это был ужас, от которого невозможно было оторваться. К тому же у меня все происходящее накладывалось на мой личный опыт работы учителем. Все как будто происходило рядом. Когда с экрана говорили о спортивном зале, у меня перед глазами возникал спортивный зал московской школы, в которой я проработал четыре года. Я был в буфете, когда зазвучали взрывы, и я стал рыдать. Ко мне подошла моя коллега, хороший, добрый человек, и говорит: «Ну что же мы тут можем сделать? Мы ничем не поможем». Ничего даже отдаленно похожего я в жизни не знал и не видел, а тут весь этот ужас происходил практически в прямом эфире. В результате возникало ощущение, что это происходит где-то совсем рядом, через квартал от того места, где я смотрю телевизор.

Прочувствовав этот ужас у себя внутри, я ушел в кабинет, сел за стол и стал думать, а правда ли мы ничего не можем сделать. Что делать что-то необходимо, я знал точно. Надо было только понять, что именно. Ехать туда в тот момент было бессмысленно и глупо, хотя, не скрою, желание такое было. Операция закончилась. Потом была эта гипернатуралистическая передовица в «Известиях». Стала проясняться страшная картина случившегося, и встал вопрос о том, как же с этим жить дальше, как помочь тем, в чьей жизни Беслан был не только картинкой с экрана. Ведь психические травмы в данном случае были куда страшнее физических. Наш банк подарил Осетии машину скорой помощи, но этого было явно недостаточно.

После нескольких лет работы учителем я поступил в аспирантуру ГИТИСа и представлял себе, что такое театральная терапия. Было понятно, что это действительно поможет в реабилитации людей, и особенно детей, после такой стрессовой ситуации. А главное, это на самом деле было тем един-

ственным, что можно было эффективно применить. Я тут же написал служебную записку своему начальнику Андрею Бородину, в которой предложил отвезти в Беслан детский спектакль. Андрей сразу согласился и выделил деньги. Мы принялись организовывать первые гастроли.

Первым делом я позвонил худруку театра Et Cetera Александру Калягину, с которым банк давно дружит. Он мгновенно, не раздумывая согласился участвовать в нашем проекте и предложил показать в Беслане детский музыкальный спектакль «Тайна тетушки Мэлкин». С этого спектакля все и началось. Выяснилось, что в самом Беслане мы не сможем показать спектакль, потому что там нет подходящего помещения. Через руководителя нашего филиала во Владикавказе Заурбека Дзгоева мы связались с директором Владикавказского драматического театра имени Вахтангова Владимиром Уваровым. В дальнейшем эти два человека обеспечили успех всего нашего проекта. И вот зимой, где-то через три месяца после штурма, театр приехал во Владикавказ.

Такое забудешь. Мы пришли на кладбище — Калягин, Давид Смелянский, директор Российского театрального агентства, Лена Волкова, вице-президент банка, и я. Мы шли по огромному полю, покрытому могилами. Шел дождь, под ногами была жирная глина, а над полем висел даже не крик — ровный истошный вой. Исходящий откуда-то изнутри и вызывающий к небесам голос горя. Это рыдали женщины. Мужчин там почти не было. Они гладили землю, перебирали цветы и выли. Неожиданно в группе сопровождавших нас людей они увидели одного из местных начальников. Они набросились на него все разом и стали лупить вениками и ветками с могил, крича: «Как ты посмел сказать, что их там было 350?! Это что, 350?!» Узнав Калягина, они вопрошали: «За что? За что?» И Калягин плакал, и все мы плакали. А они все хлестали и хлестали этого несчастного, который, конечно, не был на самом деле виноват. Он просто публично озвучил первоначально неверные цифры. Но кто бы тогда воспринял это как оправдание?

Потом был первый спектакль. И тут мы столкнулись с неожиданной трудностью: взрослые боялись отпускать детей. В результате детей и учителей из Беслана во Владикавказ привезли на автобусах в сопровождении вооруженной охраны. Сначала было как-то не очень уютно. В зале висело напряжение. Чувствовался ужас, который испытывали дети оттого, что снова оказались все вместе в одном зале, но в то же время чувствовалось и ожидание, с которым они смотрели на сцену. А потом начался спектакль, все постепенно расслабилось. Спектакль прошел хорошо. В какие-то моменты чувствовалось, что дети и взрослые действительно все забыли и полностью погрузились в происходящее на сцене.

Когда Андрей Бородин выслушал рассказ о том, как все прошло, он понял, что эта та помощь, которая неминуемо дойдет до тех, кто в ней нуждается. Что ее не разбазарят и не разворуют. И тогда он согласился на создание программного, растянутого во времени проекта. Я позвонил своему товарищу директору ТЮЗа Марку Литваку, и вместе с ним и Генриеттой Яновской мы расписали программу из четырех спектаклей на год. МТЮЗ согласился сначала показать свой спектакль «Оловянные кольца», а потом взял на себя роль координатора всего проекта. Банк выделил деньги на программу, и мы начали работать. Причем замечу, что все спектакли шли без гонораров, а выделенные деньги шли на оплату проезда, проживание, рекламу спектакля, ну и, конечно же, на детские подарки, которые раздавали на входе.

В процессе отбора спектаклей для показа стало ясно, что везти во Владикавказ можно далеко не каждый детский спектакль. Недостаточно было отбирать их просто исходя из художественных достоинств. Нужен был психолог, который, отсмотрев спектакли, мог бы спрогнозировать реакцию именно этой нестандартной детской аудитории и сказать, можно показывать их детям из Беслана или нет. Так мы познакомились с Александром и Натальей Колмановскими. Они приехали в Беслан почти сразу после трагедии, чтобы работать с пережившими стресс детьми и учителями. Я сам узнал о них из ра-

диоинтервью. Потом нашел их во Владикавказе, встретил, пригласил на спектакль, попросил о помощи. Они очень нам помогли и объяснили, например, что для того чтобы эффект от театральной терапии сохранялся и закреплялся, гастроли необходимо проводить с определенной частотой. Мы постарались в эту частоту уложиться. Они также объяснили, что в рамках программы можно показывать далеко не все спектакли, а только те, в которых нет резких звуков, потому что на любой резкий стук дети реагируют как на выстрел. Все, что потенциально может вызвать у них ассоциацию с пережитой ситуацией, должно быть изъято из спектакля. По этой причине мы не смогли показать во Владикавказе несколько действительно хороших постановок.

Многие думают, что в Беслане пострадали только те дети, которые были в школе. Но на самом деле там пострадали все, вся республика. Родители, друзья, родственники в горных деревнях, родственники по всей России — все они тоже пострадали и нуждаются в психологической помощи. При этом просто возить детей в другие страны на курорты — это, конечно, хорошо, но ни в коем случае не достаточно. Из других стран они возвращаются домой, а дома их ждут воспоминания. Поэтому необходимо сделать так, чтобы у них дома появились новые яркие воспоминания, чтобы у них появилась новая жизнь, которая началась после бесланской трагедии. Полностью избавиться от пережитого невозможно, можно только постепенно сглаживать его, замещать пережитое другим эмоциональным опытом. Для этого нужно работать не только с детьми, но и с учителями, которые не в меньшей степени жертвы произошедшего, чем дети. Должна существовать сложная комплексная психореабилитационная программа, которой, увы, пока нет. Я хочу верить, что частично задачи такой долговременной программы выполняет наша программа театральной терапии. По крайней мере, из известных мне программ, предложенных крупным бизнесом, про государственные не знаю, она единственная.

Лишь через два года мы решили как-то объявить о себе. До этого мы не искали вни-

мания прессы, разве что проводили во Владикавказе пресс-конференции для местных СМИ, причем пресс-конференции исключительно театральные. И только относительно недавно решили пригласить московских журналистов. И тут случилось странное: практически все журналисты поначалу выразили готовность прийти на пресс-конференцию, но большинству руководство запретило писать или говорить об этом. Возможно, они не хотели возвращаться к болезненной теме. Но я не могу разделить такое мнение. Умалчиванием здесь делу не поможешь. А многие психически нездоровые руководители российских медиа разглядели за этим пиар банка. И это при том, что я все время говорил журналистам, что им совершенно необязательно упоминать банк, что мы просим описать программу и тем самым помочь нам найти новых партнеров, расширить ее, лучше спланировать. И что? Руководитель одной из самых уважаемых радиостанций двум разным журналистам запретил давать об этом материал в эфир. Самая многотиражная газета устами своего заведующего отделом культуры сказала, что «у нас есть свой благотворительный фонд, и мы пишем только о том, чем занимается непосредственно этот фонд».

С тех пор я поменял работу, но остался в банке в качестве советника, чтобы продолжить курирование нескольких программ, бесланской в первую очередь. Кстати сказать, в банке ни один циник меня ни разу за все это время не спросил, почему так мало публикаций. Мне кажется, это какое-то негравильное, если не сказать большое отношение к бизнесу — видеть во всех его общественных делах коммерческий умысел. Похоже, журналисты забывают, что в бизнесе тоже работают живые люди, которые только за последние годы во многих трагических ситуациях использовали свое служебное положение в общественных целях, а не искали коммерческую или пиар-выгоду. В последнее десятилетие прошлого века мы так привыкли читать о плохом и страшном, что никак не можем свыкнуться с мыслью, что писать (и читать!) можно и о нормальном, то есть добром и хорошем. ■